

темира и Прокоповича общественная функция литературы определялась такими задачами, как укрепление экономического положения русского государства и освобождение человека от полного подчинения церкви. Из объекта истории человек мало-помалу превращался в ее субъект — и это отразилось как в философских концепциях, так и в искусстве.

Если в эпоху Петра I и ближайшее за ней время перед литературой стояли преимущественно задачи воспитания гражданского сознания и преданности интересам государства, то в последнем тридцатилетии XVIII в. она стремится выйти за пределы духовной жизни узкого круга феодальной элиты. При всей ценности вклада, внесенного ими в литературу, Кантемир, Тредиаковский и другие поэты первых десятилетий века стояли только в начале пути. Понадобились длительные и самоотверженные усилия прогрессивных писателей, публицистов, издателей журналов, для того чтобы русская литература конца века смогла стать более демократичной.

Национально-патриотические, описательные, развлекательные и т. п. тенденции произведений русской литературы, попадавших в руки читателей второй половины XVIII в., встречали с их стороны полное понимание. Литературный процесс оказывался двусторонним: авторы будили сознание читателей, а те в свою очередь оказывали своими запросами стимулирующее воздействие на литературный процесс.⁸ Русское общество находило в литературе свое отражение — и нередко отражение очень верное. Этим можно объяснить любопытные факты позднейших перепечаток и переизданий литературной продукции 1730—1750-х годов. Читатель последних десятилетий века уже настолько хорошо овладел культурой чтения, что ощутил потребность выйти за пределы современной ему литературы и вернуться к сочинениям, которые уже ушли в историю и должны были представляться ему частью духовного наследия прежних времен и тем самым были призваны помочь ему подойти к современности с исторической меркой. Литературные произведения этого рода — независимо от того, были ли они оригинальными или переводными, — оказывали на читателей такое воздействие, какое, собственно, и является целью работы любого писателя: человек на время как бы высвобождался из окружающей его повседневности, и под влиянием чтения, постепенно, изменялось его мировосприятие.

История взаимосвязей национальных литератур, которой много занимался П. Н. Берков, может рассматриваться, таким образом, в следующем аспекте: всякое произведение русской литературы XVIII в., попадавшее за рубеж в переводах и переложениях и получавшее отклик в критике других стран, становилось действенным фактором общеевропейского просветительского движе-

⁸ См.: Naumann M. Literatur und Leser. — Weimarer Beiträge, 1970, Н. 5, S. 92 ff.